

Побочная история 2 – Глава 1 Эдгара: Лес

‘Я не знаю, как велика история этой расы, но ясно, что у них есть какие-то традиции, связанные с храмом’.

Эдгар осторожно направился к храму, избегая серых монстров. Чиппо, которого издалека видели верхом на монстре, помахал рукой. Эдгар нервно вернул жест рукой.

‘Эта крошечная раса ездит на этих монстрах, как будто они лошади... Нет, лошадей держат в конюшнях... с этими серыми животными обращаются скорее как с домашними собаками, чем с лошадьми, сродни тому, как собаки бродят по переднему двору без поводка.’

Буйное воображение Эдгара начало верить, что феи обладают какой-то скрытой способностью.

‘...Например, способность общаться с животными или управлять ими с помощью магии...’

Когда он приблизился к храму, послышался слабый звук струны. Как он и ожидал, двери не было, вместо этого над входом были развешаны тонкие слои ткани, сравнимые с муслином. Перед ним у подножия лестницы были разложены лепестки белых цветов. На них отпечатались следы ног, как будто их посыпали, чтобы на них наступили. Эдгар прошел по маленьким лепесткам и поднялся по лестнице. Меланхоличная струнная музыка струилась, как тонкий пар, между муслинами. Он хотел услышать еще что-нибудь, но это исчезло без следа. Бессознательно ведомый слабой музыкой, он поднялся по последним ступенькам.

Свернутый муслин задел его ухо сбоку, открывая яркий интерьер храма.

‘Нет, на самом деле, это самая внутренняя часть, напоминающая алтарь, которая особенно яркая’.

Эдгар осторожно шел по проходу с колоннадами по обе стороны. Четыре тонкие колонны окружали круглый алтарь, искусно украшенный муслиновыми занавесями. Эдгар слегка поднял взгляд. Солнце лилось через открытый потолок над алтарем, и туманные занавеси заливали круглые лучи света.

Из-за яркости казалось, что он находится в другом мире. И чем ближе он подходил, тем громче разносилась музыка. Прекрасная мелодия, которую он никогда раньше не слышал, согрела его сердце.

“Я никогда не думал, что небесная мелодия может быть такой экстатичной”.

Мягкие лучи света струились по муслину. За развевающимся подолом виднелась чья-то смутная фигура, играющая на инструменте. Струнный инструмент, который был длиной с тело музыканта, опирался на их колено. Музыкант, натягивавший смычок горизонтально, внезапно

остановился. Эдгар не только чувствовал, как под ним сминаются лепестки, но и отчетливо слышал это. Он застыл на месте.

Все звуки стихли. Фигура, которая сидела, захотела выглянуть наружу и нерешительно встала. Она – это определенно была ‘она’ – задержалась у алтаря, возможно, из-за незваного гостя, держа в руках свой инструмент. Поскольку она все еще была не более чем силуэтом за муслином, терпение Эдгара достигло предела. Совершенно не подозревая о своем неуважении, он подошел к алтарю. Нет, лучше было бы сказать, что ему было все равно. Его единственным интересом был пейзаж внутри, словно одержимый. Он сразу же снял муслин, который прикрывал мистическую фигуру.

Там была фея.

Но она была не похожа ни на одну фею, с которой Эдгар когда-либо сталкивался. Ее ресницы, увенчанные полуденным светом, сияли белизной, а зрачки под ними были широкими и удивленными. Она была похожа на невинного кролика, попавшего в руки охотника. Серебристые волосы струились по ее круглым плечам, а на макушке она носила цветочную корону, которая ей очень шла. Эдгар был потрясен ее необычайной красотой. В его голове стало пусто, как будто его ударили чем-то, с чем он не мог справиться. Он также не знал, как долго он так стоял, так как пришел в себя только тогда, когда заметил, что она дрожит от беспокойства. В отличие от парня, который раньше уверенно поднимал муслин, теперь он заикался слабеющим голосом.

“...Джина... рако ни нани?...”

Она казалась весьма смущенной видом и поведением негодяя, которого она никогда раньше не видела. На самом деле, ничто в том, на что она смотрела, не было знакомым. Существо, которое ходило на своих двоих, но имело желтовато-белое лицо, зеленые глаза и волосы цвета сухих листьев. Не стоит забывать, как уникально он был одет... Однако вскоре после этого она заметила, что несколько детей высовывают головы из-за его спины, и ее нервные движения ослабли. С покрасневшими щеками она ответила, теребя подол своего платья.

“Мураша”.

Эдгар не знал, что сказать дальше.

‘Она такая красивая’.

Он не знал никаких осмысленных слов, чтобы передать свои мысли.

‘Черт’.

Эдгар остался с трепещущими ноздрями и беспомощно указал на инструмент, который она

держала.

"Джина рако ни нани?"

Мураша широко открыла глаза, прежде чем мягко улыбнуться. Именно тогда Эдгар все понял. То, что он только что сказал, очевидно, было связано только с именем человека. Но он хотел продолжать говорить. Он хотел поговорить с ней, но не знал, как это сделать, поэтому просто пробормотал о том, что услышал.

Мураша дал запоздалый ответ.

"Сурихе".

Ее голос звучал не только сладко, но и невероятно освежающе.

Эдгар общается с ними уже примерно полтора года. Причиной была мазь, нанесенная на его рану, вызванную падением с дерева. Сначала он был в ужасе от того, что к его живой плоти было нанесено чужеродное вещество, потому что он никогда не представлял, что в такой маленькой цивилизации может существовать надлежащая медицина. Однако мазь, которая была нанесена на его поцарапанную кожу, не вызвала никакой инфекции или побочных эффектов. Все джунгли были наполнены полезными лекарствами. Эдгар начал изучать новые лекарства и в обмен предложил свой научный опыт в области экстракции и смешивания. Их симбиотические отношения были удовлетворительными для обеих сторон.

Они называли себя "Рува". Прошло совсем немного времени, прежде чем Эдгар понял, что они не феи, а такие же люди, как и он.

Племя Рува, у которого не было письменного языка, обладало отличной памятью и могло хорошо выражать себя устно. Для них было естественно выражать все, не записывая. Хотя рисунки могли бы служить альтернативой буквам, рисование было всего лишь средством, в их словаре существовали гораздо более богатые значения. Точно так же, как в империи были "писцы", здесь были и "мудрецы". Племенной мудрец обучал детей, поскольку из него получился отличный инструктор, а пожилой человек, проживший больше всего лет, служил вождем и жрецом клана. Учителя и старейшины, особенно пожилые люди, пользовались здесь большим уважением. В результате в язык вошло понятие уважения к старшим.

Мураша был на два года младше Эдгара. И ему действительно нравился этот факт.

"...Сегодня хуже, чем вчера!..."

- пробормотал Мураша. Она выучила имперский язык так же быстро, как Эдгар язык рува. В

дополнение к ежедневной жизни в непосредственной близости, каждый член племени Рува обладает такой же исключительной памятью, как у Эдгара. Мураша не был исключением. Однако всякий раз, когда Эдгар заговаривал с ней, он всегда использовал язык рува, поскольку ему озорно нравились почетные термины, которые нельзя было услышать на имперском языке. Однако то, как они разговаривали, используя почетные звания Рувы, длилось недолго, и когда дошло до того, что они знали друг друга больше года, Мураша перестала обращать внимание на то, что он был старше ее.

- Похлопывания! -

Эдгар схватил тыльную сторону руки, которую она шлепнула, и поднял шум.

“Ах. Это больно!”

Чтобы придать своему поступку немного больше драматизма, Эдгар сделал расстроенное лицо и провел тыльной стороной ладони перед ней. Мураша сначала покосился на него, но в конце концов потер тыльную сторону ладони, которая, казалось, была в порядке. Эдгару нравились ее мягкие кончики пальцев. Хотя он хотел убрать руку из-за легкого зуда, он не хотел упускать этот момент.

Тем не менее, Мураша снова стала строгой учительницей и передала ему лук. Солнце садилось за море. Песчаный пляж, где они расположились, уже начал светиться красным, так что это была их последняя тренировка за день.

“Теперь, поддержи это снова”.

Эдгар держал лук странным образом. Он смотрел на нее сверху вниз, пока она указательным пальцем удерживала его руку в правильном положении. Их лица были невероятно близко. Так близко, что они соприкоснулись бы, если бы Эдгар только немного наклонился. Его сердце колотилось где-то в горле.

‘Оу. Это кажется странным. Странно, что я снова это чувствую.’

На самом деле, он всегда чувствовал это необычное чувство всякий раз, когда встречал Мурашу. Так было всегда, сколько он себя помнил. И поскольку его воспоминания были почти идеальными, можно было с уверенностью сказать, что он чувствовал себя странно с тех пор, как впервые встретил ее.

‘Я не ел ничего острого, но от одной мысли о ней у меня в области груди становится жарко, и я покрываюсь потом по всему телу...’

У него всегда были проблемы с глотанием, так как его слюна продолжала скапливаться без видимой причины. Конечно, в таком состоянии он не мог нормально играть на инструменте.

Несмотря на то, что временами он притворялся, что не знает, он заикался и играл как слизняк...

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2543256>